

ИЖТИМОЙИ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

9 ЖИЛД, 3/1 СОН

ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 9, НОМЕР 3/1

JOURNAL OF SOCIAL STUDIES

VOLUME 9, ISSUE 3/1

ИЖТИМОЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ | JOURNAL OF SOCIAL STUDIES

№3/1 (2026) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9556-2026-3/1>

Бош муҳаррир:
Главный редактор:
Chief Editor:
Сеитов Азамат Пулатович
доктор социологических наук
(Doctor of sociology, DSc)

Бош муҳаррир ўринбосари:
Заместитель главного редактора:
Deputy Chief Editor:
Сабилова Умида Фархадовна
доктор социологических наук
(Doctor of sociology, DSc)

ТАҲРИРИЙ МАСЛАҲАТ КЕНГАШИ | РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ | EDITORIAL BOARD:

22.00.01-Социология назарияси, методологияси ва тарихи. Социологик тадқиқотлар усуллари.
Теория, методология и история социологии. Методы социологических исследований.
Theory, methodology and history of sociology. Methods of sociological research.

Бекмурадов Мансур Бобомурадович
доктор социологических наук, профессор (Узбекистан)
Каланов Комил Куллахматович
кандидат социологических наук, профессор (Узбекистан)
Убайдуллаева Раиса Турсуновна
доктор социологических наук, доцент (Узбекистан)
Негматова Шахзода Шухратовна
доктор философских наук, профессор (Узбекистан)
Шайылдаева Асель Кокоевна
кандидат социологических наук (Кыргызстан)

Исмаилов Алишер Агзамович
доктор экономических наук, (Узбекистан)
Щепилова Галина Германовна
доктор философских наук, профессор (Россия)
Рожанский Михаил Яковлевич
кандидат философских наук (Россия)
Маматов Нормурат
доктор философских наук, профессор (Узбекистан)
Бурнашев Рустам Ренатович
кандидат философских наук, профессор (Казахстан)

22.00.02-Ижтимоий тузилиш, ижтимоий институтлар ва турмуш тарзи
Социальные структуры, социальные институты и образ жизни
Social structures, social institutions and way of life

Умаров Абсалом Адилевич
доктор социологических наук, профессор (Узбекистан)
Холбеков Абдуғани Жуманазарович
доктор социологических наук, профессор (Узбекистан)
Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович
доктор социологических наук, профессор (Россия)
Акулич Мария Михайловна
доктор социологических наук, профессор (Россия)

Антонио Алонсо Марсос
доктор политических наук, профессор (Испания)
Фадеева Любовь Александровна
доктор социологических наук, профессор (Россия)
Виктор Агаджаньян
доктор философии по социологическим наукам,
профессор (США)
Абдулазизов Абдулвохид Хабибуллович
кандидат социологических наук, доцент (Узбекистан)

22.00.03-Ижтимоий онг ва ижтимоий жараёнлар социологияси.
Социология социального сознания и социального процесса.
Sociology of social consciousness and social process

Аликариев Нуритдин Сапаркариевич
доктор экономических наук, профессор (Узбекистан)
Матибаев Тасполат Балтабаевич
доктор социологических наук, профессор (Узбекистан)
Николов Стефан
доктор философии по социологическим наукам, (Болгария)

Мирзахмедов Абдирашид Мамасидикович
доктор философских наук, профессор (Узбекистан)
Ли Ци
доктор исторических наук, профессор (Китай)
Сухомлинова Марина Валерьяновна
доктор социологических наук, профессор (Россия)

www.tadqiqot.uz решаёт задачи, предусмотренные Стратегией Узбекистана 2030, направленные на развитие науки за счёт внедрения достижений научных исследований учёных и служащих их признанию в международном научном сообществе. Так, каждой статье, опубликованной в журнале, присваивается номер DOI (Crossref). Журналы включены в международные индексные базы данных. Входит в список журналов ВАК Узбекистана.

22.00.01-Социология назарияси, методологияси ва тарихи. Социологик тадқиқотлар усуллари.
Теория, методология и история социологии. Методы социологических исследований.
Theory, methodology and history of sociology. Methods of sociological research.

Пармонов Фарход Ярашевич
доктор социологических наук, доцент (Узбекистан)
Жусубалиев Абдикайым Рысбаевич
кандидат социологических наук, доцент (Кыргызстан)
Алимухамедова Нодира Ядгаровна
доктор философии по философским наукам (Узбекистан)

Камалова Хатира Сабыровна
кандидат социологических наук, доцент (Узбекистан)
Тагиева Гулсум Гафуровна
доктор философии по социологическим наукам (Узбекистан)
Ахмедова Феруза Медетовна
доктор философии по социологическим наукам (PhD)
(Узбекистан)

22.00.02-Ижтимоий тузилиш, ижтимоий институтлар ва турмуш тарзи
Социальные структуры, социальные институты и образ жизни
Social structures, social institutions and way of life

Аликариева Аълохон Нуриддиновна
доктор социологических наук, доцент (Узбекистан)
Зайтов Элёр Холмаматович
доктор философии по социологическим наукам,
доцент (Узбекистан)
Уразалиева Гулшода Бекпұлатовна
кандидат социологических наук, доцент (Узбекистан)

Мирзахмедов Хуршид Абдирашидович
доктор философии по социологическим наукам,
доцент (Узбекистан)
Қаюмов Қахрамон Нозимжонович
доктор философии по социологическим наукам (Узбекистан)
Махкамов Қодиржон Одилжонович
доктор философии по социологическим наукам,
доцент (Узбекистан)

22.00.03-Ижтимоий онг ва ижтимоий жараёнлар социологияси.
Социология социального сознания и социального процесса.
Sociology of social consciousness and social process

Сеитова Зухраҳон Пиржановна
доктор социологических наук, доцент (Узбекистан)
Доспанова Дилара Уракбаевна
кандидат филологических наук, доцент (Узбекистан)
Рахимбаева Дилбархон Абдулхамитовна
кандидат философских наук, доцент (Узбекистан)

Каримов Бобир Шаропович
доктор социологических наук, доцент (Узбекистан)
Якубов Ильдар Харрасович
кандидат политических наук, доцент (Узбекистан)
Абдухалилов Абдулло Абдухамитович
доктор философии по социологическим наукам,
доцент (Узбекистан)

Page Maker | Верстка | Саҳифаловчи: Хуршид Мирзахмедов

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz
ООО Tadqiqot город Ташкент,
улица Амира Темура пр.1, дом-2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Тел: (+998-94) 404-0000

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz
Tadqiqot LLC the city of Tashkent,
Amir Temur Street pr.1, House 2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Phone: (+998-94) 404-0000

МАҚОЛАДА КЕЛТИРИЛГАН ДАЛИЛЛАРНИНГ ТЎҒРИЛИГИ УЧУН МУАЛЛИФ МАСЪУЛДИР | АВТОР НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОСТОВЕРНОСТЬ ФАКТОВ ИЗЛОЖЕННЫХ В СТАТЬЕ

1. Abdullayev Sardorbek

PROFESSIONAL TA'LIM TIZIMIDA MEHNAT BOZORI EHTIYOJLARINI PROGNOZLASHNING SOTSIOLOGIK MEKANIZMLARINI TAKOMILLASHTIRISH.....5

2. Пак Полина

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....12

3. Вахидова София

ФАКТОРЫ, ПРЕДСКАЗЫВАЮЩИЕ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ГЕНДЕРНЫМ СТЕРЕОТИПАМ В ОТНОШЕНИИ МУЖЧИН: ОПЫТ МНОЖЕСТВЕННОГО РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА.....21

4. Abduvalieva Mumtozxon, Qo'ldosheva Iroda

BOLALAR IJTIMOYIY HIMOYASINING XALQARO STANDARTLARI VA GLOBAL RIVOJLANTIRISH TENDENSIYLARI.....29

5. Bozorova O'lmasxon

DAVLAT BOSHQARUVI MODERNIZASIYASIDA YOSH RAHBARLAR IJTIMOYIY KAPITALINING KONSTRUKTIV XUSUSIYATLARI: SOTSIOLOGIK TAHLIL.....37

6. Adilova Rayxon

IBN SINONING "SIYOSAT"RISOLASIDA "DAVLAT ICHIDAGI DAVLAT" NAZARIYASI.....44

7. Artikbayeva Nazokat

YOSHLARDA INTERNETGA QARAMLIK TUSHUNCHASI VA UNING IJTIMOYIY MUNOSABATLARGA TA'SIRI: SOTSIOLOGIK TAHLIL.....52

8. Arifxodjayeva Luiza

YOSH RAHBARLARDA O'ZGARISHLARNI BOSHQARISH KOMPETENSIYASINI BAHOLASH TIZIMI VA SAMARADORLIKNI OSHIRISH ISTIQBOLLARI.....58

9. Махмудова Малика

ЛАТЕНТНАЯ «ВИНОВНОСТЬ ЖЕРТВЫ» КАК БАРЬЕР ДОСТУПА ЖЕНЩИН К ПРАВОСУДИЮ ПО ДЕЛАМ О СЕМЕЙНОМ НАСИЛИИ В УЗБЕКИСТАНЕ.....65

10. Тилепова Гулайым

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ.....76

11. Bekchanova Sevinch

NOGIRONLIGI BOR BOLALAR OTA-ONALARINING INKLYUZIV TA'LIM JARAYONIDA ISHTIROKI: "SHAXSIY JASORAT"DAN INSTITUTSIONAL SHERIKLIKKA (TOSHKENT SHAHRI SERGELI TUMANI MISOLIDA).....90

12. Abdullayev Sardorbek

PROFESSIONAL TA'LIM BITIRUVCHILARINING MEHNAT BOZORIGA INSTITUTSIONAL MOSLASHUVINI BAHOLASHNING SOTSIOLOGIK MEZONLARI.....97

13. Azizov S.

MARKAZIY OSIYO VA YAPONIYA XALQLARI O'RTASIDAGI ILK MADANIY-SIVILIZATSIYAVIY ALOQALAR: TARIXIY-METODOLOGIK TAHLIL.....105

ИЖТИМОЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ | JOURNAL OF SOCIAL STUDIES

Махмудова Малика,

Докторант Академии государственного управления
при Президенте Республики Узбекистан
e-mail: malika.mahmudova.2023@mail.ru

ЛАТЕНТНАЯ «ВИНОВНОСТЬ ЖЕРТВЫ» КАК БАРЬЕР ДОСТУПА ЖЕНЩИН К ПРАВОСУДИЮ ПО ДЕЛАМ О СЕМЕЙНОМ НАСИЛИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

 <http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.21498675>

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья исследует механизм латентной «виновности жертвы» (victim blaming) как структурный барьер доступа женщин к правосудию по делам о семейном насилии в Узбекистане. На основе анализа диссертационного исследования, законодательства Республики Узбекистан (2019–2026 гг.), данных Верховного суда, Национального агентства социальной защиты, а также материалов CEDAW, UN Women, UNDP, UNFPA, WHO и UNODC проводится системная оценка совокупности факторов, формирующих неформальную квази-презумпцию вины пострадавшей. Установлено, что несмотря на криминализацию семейного насилия (ЗРУ-829, апрель 2023 г.) и расширение инфраструктуры защиты, более 55% дел прекращается в связи с примирением, а свыше 90% жертв лишены юридического представительства. Выявлены три уровня латентных барьеров: макросоциальный (патриархальные нормы), мезосоциальный (институт примирения, роль махалли) и микросоциальный (экономическая зависимость, стигма). An original model of latent barriers has been proposed, describing the pathway from primary victimization to secondary victimization and, ultimately, to systemic impunity. Based on this model, recommendations have been developed for reforming criminal procedural, social, and institutional practices.

Ключевые слова: виновность жертвы; семейное насилие; доступ к правосудию; Узбекистан; вторичная виктимизация; институт примирения; махалля; патриархальные нормы; гендерное насилие; правовые барьеры.

Maxmudova Malika,

O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi
Davlat boshqaruvi akademiyasi doktoranti
e-mail: malika.mahmudova.2023@mail.ru

O‘ZBEKISTONDA OILAVIY ZO‘RAVONLIKKA OID ISHLARDA LATENT “JABRLANUVCHINING AYBDORLIGI” KVAZI-PREZUMPSIYASI VA UNING XOTIN-QIZLARNING ODIL SUDLOVGA ERISHISH IMKONIYATIGA TA’SIRI

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada O‘zbekistonda oilaviy zo‘ravonlik bilan bog‘liq ishlar bo‘yicha ayollarning odil sudlovga erishishida tarkibiy to‘siq sifatida namoyon bo‘ladigan latent “jabrlanuvchini ayblash”

(victim blaming) mexanizmi tadqiq etilgan. Tadqiqot O'zbekiston Respublikasi qonunchiligi (2019-2026-yillar), dissertatsiya tadqiqoti natijalari, O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi, Milliy ijtimoiy himoya agentligi ma'lumotlari, shuningdek CEDAW, UN Women, UNDP, UNFPA, WHO va UNODC materiallari tahlili asosida jabrlanuvchining aybdorligi haqidagi norasmiy kvazi-prezumpsiyani shakllantiruvchi omillar majmuasining tizimli bahosini beradi. Tadqiqot natijalariga ko'ra, oilaviy zo'ravonlikning kriminalizatsiya qilinganiga (O'RQ-829, 2023-yil aprel) hamda himoya infratuzilmasi kengaytirilganiga qaramay, ishlarning 55 foizdan ortig'i yarashuv asosida tugatilishi, jabrlanuvchilarning esa 90 foizdan ziyodi malakali yuridik vakillikdan mahrumligi aniqlangan. Shuningdek, latent to'siqlarning uch darajasi ajratib ko'rsatilgan: makroiijtimoiy daraja (patriarxal me'yorlar), mezoijtimoiy daraja (yarashuv instituti va mahalla institutining roli) hamda mikroijtimoiy daraja (iqtisodiy qaramlik va ijtimoiy stigma). Tadqiqot doirasida birlamchi viktimizatsiyadan ikkilamchi viktimizatsiyaga, undan esa tizimli jazosizlikka olib boruvchi jarayonni ifodalovchi latent to'siqlarning mualliflik modeli taklif etilgan. Mazkur model asosida jinoyat-protsessual, ijtimoiy hamda institutsional amaliyotni takomillashtirishga qaratilgan ilmiy-amaliy tavsiyalar ishlab chiqilgan.

Калит сўзлар: жабрланувчининг айбдорлиги; оилавий зўравонлик; одил судловга эришиш; Ўзбекистон; иккиламчи виктимизация; ярашув институти; маҳалла; патриархал меъёрлар; гендер зўравонлиги; ҳукукий чекловлар.

Mahmudova Malika,

The academy of public administration
under the president of the Republic of
Uzbekistan, PhD student
e-mail: malika.mahmudova.2023@mail.ru

LATENT «VICTIM BLAMING» AS A BARRIER TO WOMEN'S ACCESS TO JUSTICE IN DOMESTIC VIOLENCE CASES IN UZBEKISTAN

ABSTRACT

This article examines the latent mechanism of victim blaming as a structural barrier to women's access to justice in cases of domestic violence in Uzbekistan. Drawing upon the findings of a dissertation study, the legislation of the Republic of Uzbekistan (2019–2026), data from the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan and the National Agency for Social Protection, as well as reports and materials from CEDAW, UN Women, UNDP, UNFPA, WHO, and UNODC, the study provides a systematic assessment of the factors that shape an informal quasi-presumption of the victim's guilt. The findings indicate that despite the criminalization of domestic violence (Law No. ZRU-829, April 2023) and the expansion of the national protection infrastructure, more than 55% of cases are terminated through reconciliation, while over 90% of victims remain without legal representation. The study identifies three interconnected levels of latent barriers: the macro-social level (patriarchal norms), the meso-social level (the institution of reconciliation and the role of the mahalla), and the micro-social level (economic dependence and social stigma). An original model of latent barriers is proposed, illustrating the pathway from primary victimization to secondary victimization and, ultimately, to systemic impunity. Based on this model, the study formulates recommendations for improving criminal procedural, social, and institutional practices aimed at strengthening victims' access to justice and enhancing the effectiveness of protection mechanisms in cases of domestic violence.

Keywords: victim blaming; domestic violence; access to justice; Uzbekistan; secondary victimization; reconciliation; mahalla; patriarchal norms; gender-based violence; legal barriers.

ВВЕДЕНИЕ

Семейное насилие в отношении женщин остаётся одной из наиболее латентных форм нарушения прав человека. По данным ВОЗ (2025), каждая третья женщина в мире порядка 840

млн человек, подвергается физическому или сексуальному насилию со стороны интимного партнёра или сексуальному насилию вне партнёрских отношений на протяжении жизни [1]. В 2024 году UN Women и UNODC зафиксировали, что 83 000 женщин и девочек были умышленно убиты: 60% интимными партнёрами или членами семьи, то есть в среднем 137 жертв в сутки [2]. Для Центральноазиатского региона ЮНФПА оценивает распространённость насилия со стороны интимного партнёра на уровне 18% (ДИ 13–24%) [3], при этом для Узбекистана национальные данные о распространённости насилия до сих пор отсутствуют.

Узбекистан предпринял значимые законодательные шаги: Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» (ЗРУ-561, 2019), криминализация семейного насилия (ЗРУ-829, апрель 2023), расширение инфраструктуры помощи (сеть центров «Инсон» в 208 районах), Указ Президента УП-33 от 3 марта 2026 г. [4]. Тем не менее, согласно докладу Human Rights Watch (март 2026 г.), опирающемуся на исследование ОГО совместно с ПРООН, более 55% уголовных дел о семейном насилии прекращается по примирению, а более 90% пострадавших не имеют юридического представителя [5]. Верховный суд РУз подтвердил: за апрель–декабрь 2023 г. от ответственности по примирению освобождено 14 698 лиц [6].

Данный разрыв между нормативным прогрессом и правоприменительной практикой во многом определяется феноменом, который в настоящей статье концептуализируется как латентная «виновность жертвы» (*latent victim blaming*), неформальная квази-презумпция, в силу которой женщина, подвергшаяся насилию, воспринимается как частично или полностью ответственная за произошедшее. В отличие от явного обвинения жертвы, латентная форма встроена в институциональные практики, семейные нормы, поведение правоприменителей и процессуальные механизмы, что существенно затрудняет её идентификацию и преодоление.

Цель статьи системно описать механизмы формирования и воспроизводства латентной виновности жертвы в Узбекистане, предложить авторскую аналитическую модель и выработать рекомендации для реформирования законодательной и институциональной практики.

Концепция виновности жертвы и вторичной виктимизации. Понятие «обвинения жертвы» было введено американским социальным психологом У. Райаном в работе «*Blaming the Victim*» (1971), где оно определяется как интеллектуальный процесс, при котором причина социальной проблемы обнаруживается в качествах и характеристиках самой жертвы, а не в структурных дефектах социальной среды [7]. В контексте гендерного насилия этот механизм детально изучен в рамках теории «веры в справедливый мир» (Lerner, Montada, 1998) [8]: согласно ей, интерпретация жертвы как «заслуживающей» своего положения служит психологической защитой от осознания случайности зла.

Концепция вторичной виктимизации, разработанная Р. Кэмпбелл и С. Раджей (1999), описывает процесс, при котором системные акторы такие как полиция, прокуратура, судьи, медицинские работники, социальные службы, своими действиями или бездействием наносят пострадавшей дополнительный вред, воспроизводя обвинительные атрибуции [9]. Систематический обзор Л. Мурвартиан и соавт. (2024) показал, что стигматизация жертв интимного партнёрского насилия является широко распространённой практикой в странах с низким и средним уровнем дохода и подчёркивает роль «культуры стыда» как самостоятельного детерминанта недонесения [10].

Применительно к Центральноазиатскому контексту концепция «патриархального торга» (*patriarchal bargain*, Kandiyoti, 1988) объясняет, почему женщины нередко воспроизводят нормы, ограничивающие их собственные права: принятие подчинённого положения обменивается на защиту, статус и доступ к ресурсам [11]. В исследовании, посвящённом Узбекистану, Хаасани и Орен (2022) показывают, что махалля может выступать как «двойственный» институт: одновременно предоставлять ресурсы социальной поддержки и ограничивать доступ женщин к официальной правовой защите через практики нормализации примирения [12].

Правовые барьеры и институт примирения. Международная комиссия юристов (ICJ, 2024) зафиксировала, что закрепление примирения как процессуального механизма в делах о семейном насилии де-факто перекладывает ответственность за прекращение преследования на пострадавшую и создаёт условия для принуждения к примирению под давлением агрессора и его родственников [13]. Комитет CEDAW в заключительных замечаниях по шестому периодическому докладу Узбекистана (2022) прямо указал на «ревиктимизацию в ходе уголовного судопроизводства и широкое применение примирительных и медиационных процедур махаллями» как системную проблему [14].

В Казахстане, стране с аналогичным постсоветским контекстом, Кайназарова и соавт. (2025) установили, что «латентность» (скрытость) является структурообразующей характеристикой домашнего насилия, большинство случаев никогда не поступает в систему правосудия, а основными детерминантами являются стыд, нормализация насилия и отсутствие доверия к правоохранительным органам [15]. Ахметова и соавт. (2025) в аналогичном исследовании по Казахстану показали, что «культура стыда» является независимым предиктором не обращаемости за помощью даже при наличии формально доступных правовых механизмов [16].

ПРООН Узбекистан в серии прикладных исследований (2023-2024) задокументировал, что гендерная чувствительность системы юридической помощи остаётся низкой: судебные решения по бракоразводным процессам с насилием нередко ставят вопрос «сохранения семьи» выше вопроса безопасности женщины [17]. По данным мониторинга Верховного суда, в 2023 г. 144 из 203 осуждённых по ст. 126-1 УК РУз (семейное насилие) не получили лишения свободы, что косвенно отражает ориентацию судебной системы на минимизацию репрессий в «семейных» делах [6].

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящее исследование основано на методологии документально-аналитического (desk review) и сравнительно-правового анализа. Эмпирическую базу составляют три взаимодополняющих источника: (1) нормативно-правовые акты Республики Узбекистан; (2) официальная статистика и мониторинговые данные государственных органов; (3) отчёты и оценки международных организаций.

Первый компонент – систематический анализ законодательства Республики Узбекистан (2019-2026 гг.): Закон ЗРУ-561 (2019), Закон ЗРУ-829 (2023), Постановления ПП-5116, ПП-175, Указ УП-33 (2026), Уголовный кодекс (ст. 126-1) и Кодекс об административной ответственности (ст. 59-2), материалы Сената Олий Мажлиса. Анализ направлен на выявление разрыва между нормативными положениями и правоприменительной практикой.

Второй компонент – вторичный анализ официальной статистики: данные Верховного суда РУз об исходах уголовных дел (апрель-декабрь 2023 г.), Национального агентства социальной защиты (охранные ордера, 2023-2025 гг.), Сената Олий Мажлиса (динамика обращений, 2025 г.), а также доклад ОГО совместно с ПРООН об анализе судебной практики (2024 г.).

Третий компонент – анализ материалов международных организаций: заключительные замечания CEDAW/C/UZB/CO/6 (2022), доклады HRW (2026), ICJ (June 2023), IPHR (2025), ПРООН Узбекистан (2023-2024), ЮНФПА, ВОЗ, ЮНОДК, Мирового банка. Проведён также сравнительный анализ практики стран Центральной Азии на основе рецензируемых публикаций в базах Scopus и Web of Science.

Ключевое ограничение исследования: в Узбекистане отсутствуют национальные данные о распространённости насилия в отношении женщин. Все приводимые количественные показатели представляют административные данные об обращаемости или охвате услугами, а не о реальной распространённости насилия. Данное ограничение само по себе является структурным индикатором латентности проблемы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Динамика регистрации семейного насилия и структура правоприменения. После принятия ЗРУ-829 в апреле 2023 г. в Узбекистане произошёл резкий рост официально регистрируемых случаев насилия (таблица 1). В первые 7 месяцев 2023 г. 21 871 женщина обратилась за охранным ордером [18], в первом полугодии 2025 г. зафиксировано 48 303 случая (рост на 121% к аналогичному периоду) [19], а за весь 2025 г. выдано 41 051 охранный ордер [20]. Этот рост отражает прежде всего расширение официальной регистрации и повышение доверия к системе, а не обязательное увеличение распространённости насилия, поскольку базовых данных о реальной распространённости не существовало.

Таблица 1.

Динамика основных показателей системы противодействия семейному насилию в Узбекистане (2020-2025 гг.)

Показатель	2020	2022	2023 (апр.–дек.)	2024	2025
Случаи притеснения/насилия (тыс.)	н/д	н/д	10,46	~38	48,3 (1-е полуг.)
Охранных ордеров выдано	н/д	н/д	21 871 (7 мес.)	н/д	41 051
Женщин в шелтерах/центрах реаб.	н/д	н/д	н/д	512+	512+
Случаи физ. насилия (% ордеров)	46,2%	27,9%	~25%	~24%	н/д
Случаи психол. насилия (% ордеров)	42,5%	54,9%	~57%	~58%	н/д
Осуждено по ст. 126-1 УК (чел.)	—	—	203	н/д	>100
Освобождено по примирению	—	—	14 698	н/д	н/д

Особого внимания заслуживает структурный сдвиг в типологии насилия: доля физического насилия в структуре охранных ордеров снизилась с 46,2% (2020 г.) до 27,9% (2022 г.), тогда как доля психологического насилия возросла с 42,5% до 54,9% [21]. Это косвенно свидетельствует о постепенном признании институтом латентных форм контроля и принуждения, исторически нормализованных в рамках патриархальной культуры.

Рисунок 1. Итоги уголовных дел по ст. 126-1 УК РУз (апр.-дек. 2023 г.)

Источник: Верховный суд РУз, апр.–дек. 2023 г. [цит. по: HRW, 2026 [9]]. Примечание: 14 698 чел. включают административные и уголовные дела; 203 чел. – только уголовные по ст. 126-1 УК РУз.

Механизмы латентной виновности жертвы: три уровня. На основе документально-аналитического обзора официальных данных и международных источников выявлено три взаимосвязанных уровня, на которых воспроизводится латентная квази-презумпция вины пострадавшей (таблица 2).

Таблица 2.

Трёхуровневая система механизмов латентной виновности жертвы в Узбекистане

Уровень	Механизм	Конкретные проявления
Макросоциальный	Патриархальные нормы и стереотипы	«Сама виновата», «не слушалась мужа», «позор семьи»; нормализация телесных наказаний ^a
Макросоциальный	Культура стыда и чести	Развод воспринимается как катастрофа; жертва несёт ответственность за «сохранение семьи» ^b
Мезосоциальный	Роль махалли	Примирительные функции соседских комитетов направлены на «сохранение семьи», а не на безопасность женщины ^c
Мезосоциальный	Институт примирения (ст. 66 УПК)	>55% дел прекращается; >90% жертв без юрпредставителя; принудительное «примирение» под давлением семьи агрессора ^d
Мезосоциальный	Гендерная предвзятость правоприменителей	Полиция советует «мириться», судьи ориентируются на сохранение брака; женщин наказывают за самозащиту ^e
Микросоциальный	Экономическая зависимость	Отсутствие собственного жилья, дохода, доступа к банковским счетам; 85% насилия — в семье ^f
Микросоциальный	Страх стигмы и реталиации	Боязнь осуждения соседями, потери детей, ответных угроз агрессора ^g

Note.

a Hassani & Oren, 2022 [16]; CEDAW/C/UZB/CO/6

b Akhmetova et al., 2025 [20]; UNDP Uzbekistan]

c Hassani & Oren, 2022 [16]; ICJ, June 2023

d HRW, 2026 [9]; Верховный суд РУз

e ICJ, June 2023 [17]; The Diplomat, 2024

f World Bank, 2024 [26]; Лаб. соц. политики НАСЗ, 2025

g Murvartian et al., 2024 [14]; Kainazarova et al., 2025

Роль института примирения как системного блокатора правосудия. Институт примирения является наиболее операционально значимым механизмом, через который латентная виновность жертвы трансформируется в отказ от правосудия. После криминализации домашнего насилия в апреле 2023 г. число лиц, освобождённых от ответственности по примирению сторон (14 698 чел. за 9 месяцев; включая как административные, так и уголовные дела), несопоставимо превысило число осуждённых по уголовной ст. 126-1 УК (203 чел.) [6]. Это означает, что де-юре криминализация сопровождается де-факто декриминализацией через процессуальный механизм примирения.

Ключевым структурным условием, превращающим примирение из добровольного права в принудительный исход, является отсутствие юридического представительства: по данным исследования ОГО совместно с ПРООН (2024), свыше 90% пострадавших не имели адвоката в ходе разбирательства [22]. В условиях, когда сторону агрессора нередко представляет юрист, нанятый его семьёй, и когда сама жертва испытывает экономическое давление, психологическую травму и угрозу потери жилья и детей, «добровольность»

примирения носит сугубо формальный характер. Исследование ПРООН и ОГО (2024) документирует, что судебная система воспринимает женщин прежде всего как жён, а не как самостоятельных правовых субъектов, что закрепляет институциональное давление «не доводить семейные дела до суда» – вывод, подтверждённый также ICJ (June 2023) [13] и The Diplomat (2024) [21]. Вторичная виктимизация в правоохранительной и судебной практике. Вторичная виктимизация, нанесение дополнительного вреда жертве действиями или бездействием системных акторов проявляется в нескольких взаимосвязанных практиках. Первое: допросы с атрибуциями вины («почему не ушли раньше?», «что вы сделали, чтобы разозлить мужа?»). Второе: направление обращений от жертв насилия в комитеты махаллей с рекомендацией «решить дело мирно». Третье: медицинские работники нередко не выдают справок о телесных повреждениях, считая это «семейным делом». Четвёртое: судьи продолжают назначать обязательный примирительный срок в бракоразводных процессах, связанных с насилием, несмотря на поправки в Семейный кодекс (апрель 2025 г.) [23].

Исследование Верховного суда РУз (апрель-декабрь 2023 г.) показало, что 82,2% зарегистрированных случаев приходится на сельскую местность (при 49% доле сельского населения), что косвенно свидетельствует о большей уязвимости сельских женщин, при меньшей их осведомлённости о правах и меньшей доступности юридической помощи [6].

Таблица 3.

Формы вторичной виктимизации в системе правосудия Узбекистана

Форма вторичной виктимизации	Актор	Механизм воздействия
Обвинительные допросы	Полиция, следователи	Атрибуция вины, дискредитация показаний
Переадресация в махаллю	Полиция, суды	Нормализация насилия, давление на примирение
Отказ в медицинской документации	Медицинские работники	Разрушение доказательной базы
Принудительный примирительный срок	Суды	Принуждение к продолжению брака
Уголовное преследование за самозащиту	Прокуратура, суды	Инверсия жертвы и агрессора
Разглашение личных данных	Любые органы	Угроза реталиации агрессора

Пробелы в законодательстве и практике. Несмотря на значительный нормативный прогресс 2023-2026 гг., анализ выявил следующие системные пробелы:

Первое. Отсутствие проактивного уголовного преследования. Возбуждение уголовного дела по ст. 126-1 УК РУз по-прежнему во многом зависит от инициативы жертвы, в то время как международные стандарты (CEDAW, Istanbul Convention) предписывают государственное преследование независимо от желания пострадавшей.

Второе. Ограниченная ответственность за психологическое и экономическое насилие. Несмотря на юридическое закрепление этих форм, доказать их в суде крайне сложно при отсутствии методологии документирования и специально обученных следователей.

Третье. Отсутствие обязательного предоставления юридической помощи жертвам семейного насилия. Поправки апреля 2025 г. к Семейному кодексу снимают обязательный примирительный срок для жертв насилия только при наличии ходатайства самой жертвы, что вновь возлагает бремя доказательства на пострадавшую.

Четвёртое. Фрагментарность статистического учёта. Данные МВД, Верховного суда, Комитета по делам семьи и Национального агентства социальной защиты не интегрированы в единую систему мониторинга, что создаёт иллюзию контроля ситуации и скрывает реальные масштабы явления.

Пятое. Незавершённость инфраструктуры case management. Меры УП-33 (2026 г.) по созданию интегрированной системы помощи («одно окно»), специализированных следователей и SOS-приложения носят планомерно-вводимый характер и ещё не подтверждены оценками эффективности.

На основе проведённого анализа предлагается авторская трёхуровневая модель латентных барьеров доступа женщин к правосудию по делам о семейном насилии (рисунок 2).

Модель описывает путь от первичной виктимизации (акта насилия) через систему латентных барьеров к системному результату воспроизводству безнаказанности и рецидивному насилию.

МОДЕЛЬ ЛАТЕНТНЫХ БАРЬЕРОВ ДОСТУПА ЖЕНЩИН К ПРАВОСУДИЮ

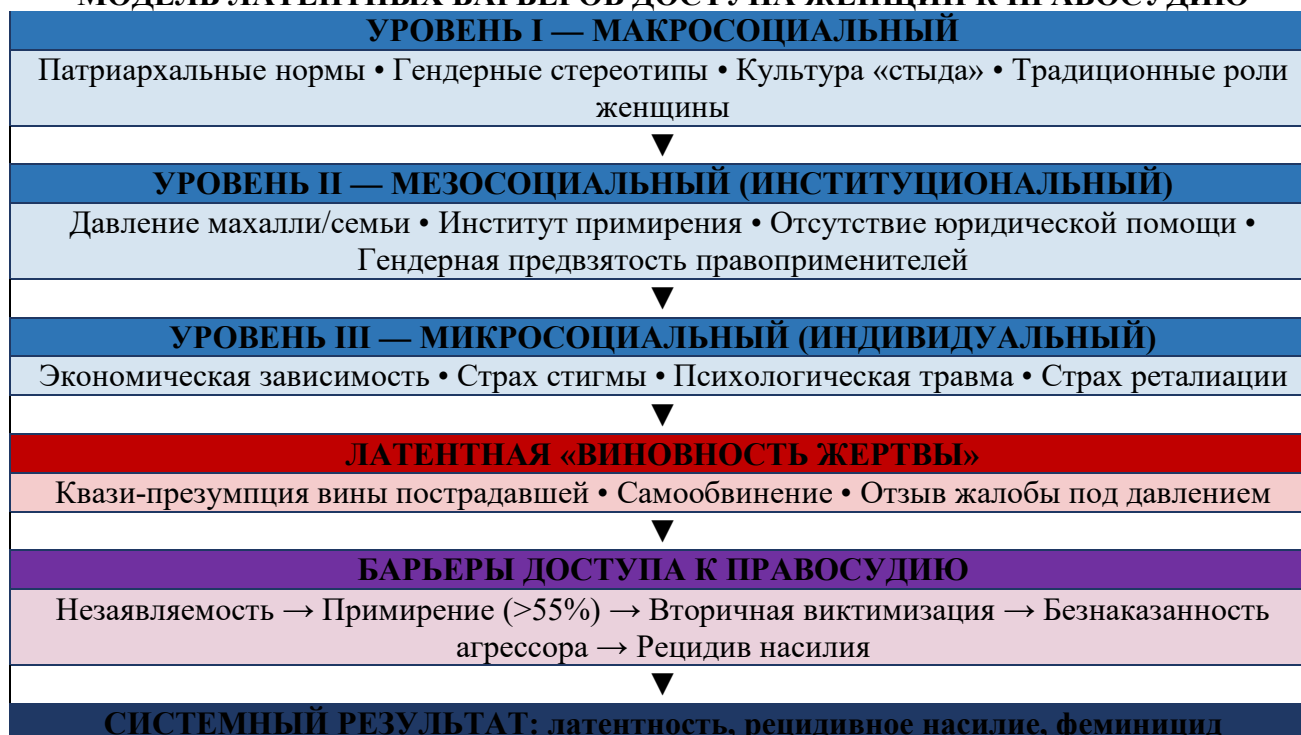

Рисунок 2. Авторская модель латентных барьеров доступа женщин к правосудию по делам о семейном насилии (разработано автором)

Предложенная модель отличается от существующих в литературе (экологическая модель ВОЗ, феминистская модель власти и контроля) тем, что: (1) акцентирует именно латентный, институционально встроенный характер виновности жертвы; (2) показывает кумулятивный характер барьеров, каждый последующий уровень усиливает предыдущий; (3) фиксирует роль института примирения как «конвертора» латентной виновности в конкретный правовой исход (прекращение дела); (4) включает обратную связь, системная безнаказанность агрессора воспроизводит макросоциальные нормы.

Полученные результаты соответствуют теоретическим рамкам, предложенным Кэмпбелл и Раджей [9] и Мурвартиан и соавт. [10], и одновременно расширяют их применительно к постсоветскому контексту с высоким уровнем государственного патернализма в «семейных» вопросах. Ключевой вывод состоит в том, что в Узбекистане виновность жертвы не является исключительно неформальной культурной практикой, она встроена в институциональную архитектуру: в процессуальный механизм примирения, в практику перенаправления обращений в махалли, в отсутствие обязательного юридического представительства пострадавших.

Примечательно, что законодательные реформы 2023-2026 гг. создают качественно новую нормативную среду, однако разрыв между нормой и практикой определяется именно теми латентными механизмами, которые не поддаются прямому законодательному регулированию: стереотипами правоприменителей, давлением семейного и соседского окружения, экономической зависимостью женщин. Данное противоречие воспроизводит феномен, описанный ICJ (June 2023) как «protective legislation gap» – разрыв между декларируемой защитой и реальной защищённостью [13].

Мировой банк (2024) отметил Узбекистан в числе пяти стран, достигших наибольшего прогресса в индексе Women, Business and the Law [24], что указывает на реальность формальных реформ. Однако индекс измеряет законодательную базу, а не правоприменительную практику. Следовательно, формальный прогресс рискует создать иллюзию решённости проблемы при сохранении структурных барьеров.

Сравнение с опытом Казахстана [15, 16] и исторически аналогичными постсоветскими юрисдикциями показывает, что успешное преодоление латентной виновности жертвы требует не просто криминализации, но системной реформы трёх компонентов одновременно: (1) институционального (обязательная юридическая помощь, специализированные суды и следователи); (2) культурного (долгосрочное изменение установок правоприменителей, общественные кампании); (3) экономического (жилищная поддержка, независимые доходы женщин).

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы. Латентная «виновность жертвы» в Узбекистане является не изолированным культурным явлением, а системной характеристикой, воспроизводимой на макро-, мезо- и микросоциальном уровнях и институционально закреплённой в процессуальных механизмах (примирение) и практиках правоприменителей (вторичная виктимизация).

Несмотря на значительный нормативный прогресс 2019-2026 гг., ключевые показатели свидетельствуют о сохраняющемся разрыве: более 55% дел прекращается по примирению, более 90% жертв лишены юридического представительства, а реальная распространённость насилия по-прежнему неизвестна в отсутствие национального обследования.

Предложенная авторская трёхуровневая модель позволяет операционализировать латентную виновность жертвы как аналитическую категорию и обеспечивает основу для разработки адресных политических мер.

Рекомендации:

В сфере законодательства и уголовного судопроизводства:

Первое. Ввести обязательное государственное уголовное преследование по делам о семейном насилии независимо от желания пострадавшей по аналогии с практикой Австрии, Испании и Швеции – в целях устранения принудительного примирения.

Второе. Закрепить право пострадавшей на бесплатную юридическую помощь с момента подачи заявления о насилии как безусловную государственную гарантию, а не как инициативу НКО.

Третье. Ограничить применение примирения по делам о семейном насилии: исключить его использование при наличии повторных обращений, охрannого ордера или тяжкого вреда здоровью.

Четвёртое. Внедрить стандартизированный протокол оценки риска летальности (аналог DASH/SARA) для всех органов первичного контакта, полиции, медицинских работников, социальных служб.

В сфере институциональных практик:

Пятое. Разработать и ввести обязательную специализированную подготовку для следователей, прокуроров, судей и сотрудников полиции по вопросам травмоинформированного подхода, динамики насилия и недопустимости обвинительных атрибуций – в соответствии с планами УП-33 (2026 г.).

Шестое. Переориентировать работу махаллей: их примирительные функции в делах о насилии должны быть явно исключены из компетенции комитетов и заменены функцией направления пострадавших к специализированным службам.

Седьмое. Создать интегрированную информационную систему учёта дел о насилии с обязательной идентификацией исходов дел (примирение, осуждение, прекращение) по регионам, для устранения фрагментарности статистики.

В сфере социально-экономической поддержки:

Восьмое. Обеспечить приоритетный доступ жертв насилия к программам занятости, микрокредитования и жилищной поддержки (в рамках Женской тетради») как к структурному условию выхода из зависимости.

Девятое. Провести первое национальное обследование распространённости насилия в отношении женщин с последующей публикацией данных в открытом доступе для формирования политики, основанной на доказательствах.

Adabiyotlar/ Literatura/ References:

1. WHO. Violence against women. Fact sheet. – Geneva: WHO, November 2025. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women>
2. UN Women; UNODC. Femicides in 2024: Global estimates of intimate partner/family member femicides. – Vienna; New York, 25 November 2025. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/briefs/Femicide_Brief_2025.pdf
3. UNFPA EECA. Sexual and gender-based violence in Central Asia: Prevalence Data. – Almaty: UNFPA, January 2025. URL: [https://eeeca.unfpa.org/sites/default/files/pubpdf/202501/GBV%20Prevalence%20Data%20publication_ENG_\(format%20for%20online%20display\).pdf](https://eeeca.unfpa.org/sites/default/files/pubpdf/202501/GBV%20Prevalence%20Data%20publication_ENG_(format%20for%20online%20display).pdf)
4. Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснений и насилия» № ЗРУ-561 от 02.09.2019. – Ташкент. URL: <https://lex.uz/docs/4494712>
5. Human Rights Watch. Uzbekistan's Domestic Violence Reforms Fall Short. – New York: HRW, 4 March 2026. URL: <https://www.hrw.org/news/2026/03/04/uzbekistans-domestic-violence-reforms-fall-short>
6. Верховный суд Республики Узбекистан. Информационное сообщение об уголовных делах, рассмотренных судами в 2023 году. URL: <https://sud.uz/ru/news-2024-01-09-1-2/> (дата обращения: 07.07.2026).
7. Ryan W. Blaming the Victim. — New York: Pantheon Books, 1971. – 336 p.
8. Lerner M. J., Montada L. An Overview: Advances in Belief in a Just World Theory and Methods // Responses to Victimization and Belief in a Just World / Ed. L. Montada, M. J. Lerner. – New York: Plenum, 1998. – P. 1-7. DOI: 10.1007/978-1-4757-6418-5_1
9. Campbell R., Raja S. Secondary victimization of rape victims: insights from mental health professionals who treat survivors of violence // Violence and Victims. – 1999. – Vol. 14. – No. 3. – P. 261-275.
10. Murvartian L., Matías-García J. A., Saavedra-Macías F. J., Crowe A. A Systematic Review of Public Stigmatization Toward Women Victims of Intimate Partner Violence in Low- and Middle-Income Countries // Trauma, Violence, & Abuse. – 2024. – Vol. 25. – No. 2. – P. 1349–1364. DOI: 10.1177/15248380231178756
11. Kandiyoti D. Bargaining with Patriarchy // Gender & Society. – 1988. – Vol. 2. – No. 3. – P. 274–290. DOI: 10.1177/089124388002003004
12. Hassani S., Oren T. S. Grassroots struggles against domestic violence in Uzbekistan: strategies of exit and voice // Central Asian Survey. – 2022. – Vol. 41. – No. 3. – P. 456-476. DOI: 10.1080/02634937.2021.2018993
13. International Commission of Jurists. Protection of Women and Children from Violence in Uzbekistan. – Geneva: ICJ, 2024. URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2023/06/GBV-Briefing-paper_final_eng.pdf
14. CEDAW. Concluding observations on the sixth periodic report of Uzbekistan, CEDAW/C/UZB/CO/6. – Geneva: UN, 1 March 2022. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3966403>
15. Kainazarova M., Abdukarimova Z., Aitkhozhin K., Bayanbayeva A. Quantifying a hidden crisis: Challenges in addressing domestic violence against women in Kazakhstan // International Journal of Discrimination and the Law. – 2025. DOI: 10.1177/13582291251337325
16. Akhmetova S., Durrani N., Karabay A. Intimate Partner Violence and the Culture of Shame in Kazakhstan: Voices of Survivors and Violence Against Women Professionals // Violence Against Women. – 2025. DOI: 10.1177/10778012251384563
17. UNDP Uzbekistan. Why Legal Aid Provision Needs to be Gender-sensitive: Case of Uzbekistan. – Tashkent: UNDP, 2023. URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/blog/why-legal-aid-provision-needs-be-gender-sensitive-case-uzbekistan>

18. Почти 85% случаев насилия против женщин совершено в семье (статистика) // Repost.uz. 05.09.2023. URL: <https://repost.uz/vidali-vsem-oxrannie-orderi> (дата обращения: 08.07.2026).
19. Сенат Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Информация о ходе исполнения Закона «О защите женщин от притеснений и насилия» (первое полугодие 2025 г.). – Ташкент, 2025.
20. Национальное агентство социальной защиты Республики Узбекистан. Данные о выданных охранных ордерах (2025 г.). [Цит. по: Zamin.uz, 01.08.2025].
21. Kholmiraev U., Shamsidinov Z. Women as Wives: How Uzbekistan's Justice System Fails to Serve Women // The Diplomat. – 2024. – 14 May. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/women-as-wives-how-uzbekistans-justice-system-fails-to-serve-women/>
22. Tursunov T., Ezozkhonov A. Analysis of Judicial Practice on Domestic Violence Cases (Criminal cases) / NGO «MADAD»; UNDP Uzbekistan. – Tashkent: UNDP, 2024. – 17 p. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-03/gbv_crime_eng.pdf
23. Gazeta.uz. Victims of domestic violence to be granted divorce without reconciliation period. – 16 April 2025. URL: <https://www.gazeta.uz/en /2025/04/16/divorce/>
24. World Bank. Women, Business and the Law 2024. Country Note: Uzbekistan. – Washington, DC: World Bank, 2024. URL: <https://www.worldbank.org>.

ИЖТИМОЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

JOURNAL OF SOCIAL STUDIES

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz

ООО Тадqiqot город Ташкент,

улица Амира Темура пр.1, дом-2.

Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz

Тел: (+998-94) 404-0000

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz

Tadqiqot LLC The city of Tashkent,

Amir Temur Street pr.1, House 2.

Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz

Phone: (+998-94) 404-0000